

В память о Венди, Жане и Давиде

Посвящается Саре и Сэму

Вот так достигла я его,
Взбираясь медленно,
Вцепляясь в ветки, что растут
Меж мною и блаженством.

Эмили Дикинсон

Я тотчас ее забрал.

Андре Бретон. Безумная любовь

Предисловие

Мой дед-англичанин любит говорить, что все маленькие истории нашей жизни порождает Большая История. Моя бабушка-валлийка возражает, что дело обстоит ровно наоборот — Историю с большой буквы составляет совокупность наших маленьких историй.

— Где же тогда рождаются маленькие истории? — уточняет он ворчливо.

— У богатых — на простынях, в россыпях жемчуга и на столовом серебре. У таких, как мы, — в грязи, капусте и на гальке, — отвечает она.

I

УЭЛЬС

Rigor mortis*

Впервые эта ложка попадается мне на глаза в ночь смерти отца.

Я присаживаюсь на краешек его кровати. Мое тело коченеет. По углам комнаты, погрузившись в раздумья, сидят мама, дед, бабушка, двое моих братьев, наш лабрадор и доктор Эймер. Все вместе мы неувовимо напоминаем картину «Смерть Германика», хотя римской тоги ни на ком нет и вроде бы никого пока не отравили.

В комнате стоит тишина, больше похожая на неумолчный шум, который обволакивает со всех сторон, когда задерживаешь дыхание под водой. Гул тишины изредка прерывается скрежетом зубов моего брата Ала — тот всегда грызет ногти и кожу вокруг них, если сильно волнуется.

Pallor mortis**, констатировал доктор, накрывая папино бледное лицо простыней. Констатировал на латыни, чтобы дистанцироваться от произошед-

* Трупное окоченение (лат.). — Здесь и далее примеч. перев.

** Трупная бледность (лат.).

шего. «Док Эймер прячется за своей эрудицией», — сказал бы отец. При взгляде на простыню мне чудится, будто его ноги шевелятся. На маму я стараюсь вообще не смотреть. Картинка перед глазами плывет.

Мысли ускользают в недавнее прошлое. Два, а может, три часа назад я хлопнула кухонной дверью. Две, а может, десять минут назад в мою комнату вбежала Нану:

— Серен, идем скорее!

— Что случилось?

— Ох, дорогая... Твой папа...

«Бедная старенькая Нану, — подумала я в тот миг. — Совсем запыхалась, поднимаясь по лестнице».

Из-под простыни виднеется полосатая пижама. Серая полоска, синяя полоска, серая полоска... Цвета сливаются, картинка перед глазами плывет. Пальцы инстинктивно проверяют, на месте ли веки. Все хорошо. Все ужасно.

Дэй, мой другой брат, опускается на корточки и гладит собаку, шепча ей на ухо:

— Красавица, да, ты красавица.

Лабрадор постанывает от удовольствия. Эта ночь абсурдна. Прищуриваюсь и вижу, как мать ласково водит пальцами по отцовской груди, закрытой простыней. Неужели мама забыла, что папа мертв? Нет, из ее рта вырывается беззвучный всхлип. Крик ошеломления. Мы здесь все ошеломлены.

Особенно отец. Под простыней.

Завтра у меня переэкзаменовка по истории. Интересно, смерть близкого родственника — уважительная причина для пропуска экзамена? Поверх отцовского тела лежит льняная простыня. Белая, с розоватым оттенком? В полумраке не разберешь. Льняная, лен, льнуть, ленточка, ленивый, линейка... Может, я схожу с ума? Нет, просто отвлекаюсь.

Я склонна отвлекаться. Мама говорит, в моей речи слишком много вводных предложений, папа говорит... говорил в шутку, что, если я хочу, чтобы собеседник успевал следить за моей мыслью, мне нужно делать сноски.

Мама прячет край полосатой пижамы под простыню — должно быть, догадалась, что это зрелище причиняет мне боль.

Надавливаю большими пальцами на веки, отвлекающие мысли превращаются в тонкие нити. Чувствую покалывание. Снова открыв глаза, натыкаюсь взглядом на столик, на который отец поставил свою последнюю чашку чая. И тут я замечаю ее.

Ложку.

— Откуда взялась эта ложка?

Вся семья поднимает головы. Точнее, вся семья кроме Ала, обкусывающего ногти, и отца (по понятной причине).

— Откуда взялась эта ложка? — повторяю вопрос.

— Не знаю, Серен, любовь моя, по-моему, она была в нашем доме всегда, — вымученно улыбается мама.

От этой улыбки у меня внутри все сжимается. Уношу ложку к себе и рисую ее до самого утра.

Рисование помогает мне не отвлекаться. Точнее, не отвлекаться ни на что, кроме рисования. Возможно, мама права, возможно, эта ложка была у меня перед глазами на протяжении всей моей жизни. Хотя мне и кажется, будто я увидела ее только сегодня, я не могу отделаться от ощущения дежавю. У нас, в гостинице «Красноклювые клушицы», сотни столовых приборов, а значит, эта ложка, мелькавшая среди другой посуды, день за днем появлявшаяся на обеденных столах, в кухонной раковине, в банках с мукой или рисом, запросто могла ускользнуть от моего взора.

Я вдруг осознаю, что мы живем в окружении вещей, до которых нам нет дела, пока они не исчезнут, не сломаются или не предстанут перед нами в новом свете.

На восходе, когда раздаются первые телефонные трели, возвещающие о том, что пришла пора выслушивать соболезнования и готовить все необходимое для прощальной церемонии, я убираю карандаши, разглядываю ложку при утреннем свете и вздыхаю: «Какая она красивая, твердая и загадочная — полная противоположность нашей жизни».